

«Неуловимые зрители»

Если учесть, что комплексный обед в школьной столовке стоил всего двадцать пять копеек, а в папином деповском кафе ланч для железнодорожников, сдобренный профсоюзом стаканом сметаны и булочкой, обходился отцу в полтора полтинника, то можно представить, что значили для нас с сестрой, учениц младших классов, два рубля. Как говорила наша соседка баба Сима, тогда это были «самошедшие деньги»!

Ровно столько — по рублю на брата, то есть на сестру, — выделил нам отец из квартальной премии в первый день наших летних каникул. В то время наши ежедневные развлечения состояли из двух пунктов: книги и двор. Поэтому, когда папа выразился фигурально:

— Это вам на кино и на мороженое! — мы с Татьяной восприняли его слова буквально.

Подгоняемые духом свободы, мы умяли по стаканчику пломбира в ближайшем гастрономе и побежали вприпрыжку в наш любимый кинотеатр «Луч».

Благодаря огромной красочной афише весь двор знал, что в «Луче» целую неделю будут демонстрировать новый цветной широкоэкранный фильм «Неуловимые мстители». Многие мальчишки уже пересмотрели его по несколько раз и выхвалялись этим с такой гордостью, будто сами снимались в роли мстителей. Нам с сестрой хвастать было нечем. Мы понятия не имели — что за мстители, кому и за что они собирались мстить.

Это сегодня, когда прошлое и настоящее находится под зорким прицелом вездесущего Интернета, отношение ко всему советскому изменило окраску. И детское кино того времени называют словом, весьма далёким от ребячьего лексикона, — «коммунистической пропагандой». А тогда мы, дети хрущёвок, воспитанные на бесконечной киношной Лениниане: «Ленин в Октябре, Польше, Париже, 18-м году...» — были уверены на двести, на триста, на пятьсот процентов, что живём в самой большой, самой счастливой и самой красивой стране на свете. Благодаря этому самому многоликому Ленину, улыбающемуся богоподобной улыбкой с торца любого дома, да его Октябрьской революции, легенда о которой, претендуя на соседство

с античностью, не подвергалась коррекции целых семьдесят лет...

Итак, полчаса под билетной кассой и два билета по десять копеек перенесли нас в мир опасных приключений четырёх отчаянных киногероев: Яшки-цыгана, Валерки, брата и сестры — Даньки и Ксанки Шусь. Огромный зал на триста разновозрастных зрителей — мальчиков и девочек, пап и мам, бабушек и дедушек — то единодушно замирал от волнения и страха, то взрывался безудержным смехом. Если Данька или Яшка по своему же подростковому легкомыслию попадали в какой-нибудь переплёт, из разных концов зала им в попытке остановить, предупредить кричали, надрывая связки:

— Не ходи туда! Дурачок... Там ловушка!

Ну а когда мстители убегали, отстреливались, короче — выкручивались, довольные зрители от радости и свистели, и топали ногами, и подбрасывали к потолку зажжённые спички...

С не знакомой нам ещё вчера шальной четвёркой мстителей мы переживали каждую минуту вместе, только они — по ту сторону экрана, мы — по эту. Но фильм закончился, и мы вышли из кинотеатра с таким тягостным чувством, будто нас разлучили с любимыми братьями и сестрой. У первой лавочки мы пересчитали деньги... В нашей кассе оставался один рубль и сорок две копейки. Этих денег нам хватило бы почти на одиннадцать порций мороженого. Пусть не пломбира, а «Сливочного», в бумажных стаканчиках, по тринадцать копеек за штуку. Но, увидев знакомых ребят из нашего двора, которые, подскакивая на ходу от радости, бежали к кассе, мы сделали то же самое — заняли очередь и снова купили два десятикопеечных билета.

На втором просмотре «Неуловимых» мы с сестрой уже не вели себя так, будто первый раз в гостях. Мы смотрели на наших соседей, вытирающих слёзы в самых драматических сценах, со снисходительностью старых киноманов.

— Да не переживайте вы за Ксанку! Вот увидите, Яшка ей поможет... — успокаивала сестра всхлипывающих за нашими спинами бабушку с внуком.

— Точно-точно... Они с Данькой даже придумали как... — подтверждала я слова Татьяны. — Не верите?! Мы уже пятый раз смотрим...

И хотя на экране под заводную музыку закручивались такие бесшабашные события, что наших увещеваний никто не слышал, мстители нас не подводили. В подтверждение названия картины они оставались неуловимыми, невзирая на все сюжетные лабиринты со стрельбой, погоней, горящим поездом и рухнувшим мостом. После каждого победного эпизода бабушка из верхнего ряда благополучно прятала свой валидол, а её внук под возмущение соседей: «Да тише ты!» — начинал шуршать фольгой, намаивая хрустящую шоколадку «Льдинка». До появления в наших кинозалах попкорна и пепси-колы оставалось каких-нибудь тридцать-сорок лет...

За два сеанса, во время которых несколько раз обрывалась плёнка и мальчишки громко свистели и кричали киномеханику: «Сапожник!» — мы так освоились в роли киношных завсегдаев, что, покинув зал во второй раз и пересчитав наши капиталы, отправились по уже протоптанной дорожке — сначала в кассу, а затем всё в тот же зрительный зал.

Индийский фильм «Бродяга», длиною почти в три часа, за которые мы наплакались больше, чем за всю свою предыдущую жизнь, обошёл нам в два полтинника. Тогда мы не знали, что смотрели шедевр индийского кино. Для нас «Бродяга» был детской сказкой с положительными героями и — куда ж без них! — отрицательными.

— Как здорово, что мы живём в СССР! — заключила сестра, когда мы, простившись с дружественной Индией, бродягой Раджой и его подругой Ритой, покидали зал.

Мы уходили с той же грустью, с какой прощаются с близкими родственниками на железнодорожном вокзале.

— Да, и хорошо, что наш отец — не судья! — огласилась я, но, как оказалось через пару минут, преждевременно.

На углу кинотеатра нас поджидали заплаканная мама и отец, с рассерженным лицом киношного судьи Рагуната.

— Ищем вас с утра по всему району! Прошерстили все дворы, чердаки и подвалы... Всех соседей подняли на ноги! Все дети как дети, после сеанса играют во дворе или читают книжки... А вы? Про кино теперь и не заикайтесь! Сами себя наказали... В кинотеатр больше ни ногой! — сердито огласил свой приговор отец, хотя мама, обнимая нас и улыбаясь сквозь слёзы, точно так, как полчаса назад это делала индийская актриса Наргис, попыталась выступить в роли начинающего адвоката:

— Давайте дома про всё поговорим... На нас уже люди смотрят... Девочки сделают выводы и, я надеюсь, больше так поступать не будут!

Мы с сестрой, не столько из чувства вины и жалости к родителям, сколько от усталости и голода, уже готовы были просить прощения, но в эту минуту...

— О-о, Маринка! — окликнул меня пробегающий мимо одноклассник Вень Козырев. — Вы с Танькой уже нашлись? Вот здорово! А я бегу в «Буревестник», там сегодня — «Айболит-66», в «Полярнике» с понедельника — «Республика шкид», а в «Спутнике» — «Три толстяка»...

В ожидании нашего покаяния отец строго смотрел то на меня, то на Татьяну.

— Ну... что скажете, любители кинематографа? Я жду хоть каких-то объяснений!

— У нас осталось ещё двадцать две копейки... — прошептала мне на ухо сестра. — Как раз хватает на два билета...

Сейчас уже и не вспомню, каким образом нам удалось уговорить отца пересмотреть, смягчить или совсем отменить свой приговор. Но блокбастеры нашего детства — «Республика шкид», «Три толстяка», «Айболит-66», «Королевство кривых зеркал» и ещё с десяток, а может, и сотню, детских фильмов — мы всё-таки посмотрели. Как минимум по пять раз каждый... И вряд ли сегодняшние юные зрители, у которых совсем другие герои, нас смогут понять. Ведь они если и просматривают эти картины на своих планшетах, то с той же снисходительностью, с которой мы в их возрасте относились к нему кино.

— Да, действительно... — поначалу соглашается с мной мой внук, копируя манерного телевизионного киноведа. — Детское кино наших дедушек и бабушек забавно, иногда трогательно, местами интересно и даже увлекательно... Но с появлением «цифры» и 3D-формата — уже вчерашний день...

Ёлочные бусы

В детском саду, где мы с сестрой за неимением гувернёров и удалённости бабушек росли до школьного возраста в режиме пятнадцатидневки, к новогоднему утреннику начинали готовиться уже с осени. Но какая паника, какая суета сует начиналась с появлением за окном первого снега!

Дворник расчищал дорожки с таким усердием, будто упряжка Деда Мороза прибывала к центральному входу в ближайшие два часа. Переполошившиеся нянечки, вытащив из кладовой коробки с ёлочными игрушками и новогодними костюмами, наспех подклеивали картонных зайцев и петухов, чинили клоунские колпаки, отбеливали марлевые пачки «звёздочек» и обшивали ватой мантию Зимухи-зимы. Вместо занятий физкультуры и развития речи во всех группах — от младшей до подготовительной — колдовали над узорами бумажных снежинок. Медсестра с поваром сочиняли праздничное меню, добавив к обычному немного изюма, немного повидла и немного сгущённого молока.

К середине декабря здание детского сада, украшенное гирляндами и серпантином, дождиком и флажками, напоминало центральный Дворец культуры, готовый к проведению главной городской ёлки. Кабинет заведующей был заставлен под потолок сладкими подарками, в музыкальном зале в двадцатый раз прогоняли новогодний спектакль.

И всё шло бы по отработанному годами сценарию, если бы за день до утренника не позвонили из района:

— К вам едет проверяющий из министерства! Не ударьте в грязь лицом. Его интересует воспитание дошкольников в духе интернационализма. Набросайте план и продемонстрируйте какое-нибудь мероприятие в этом духе...

— Это накануне Нового года, что ли? — недоумевала методист Анна Васильевна. — Они что там, наверху, совсем с ума посходили? Или это... чтоб нам здесь жизнь раем не казалась?..

Людмила Даниловна, заведующая детским садом, была менее категорична и более осторожна в высказываниях:

— Анна Васильевна, проверяющий из министерства — это не шуточки и не розыгрыш! Так что идите и переписывайте сценарий утренника. Что у вас там?... Новогодняя сказка, в которой дети до самого конца ищут Деда Мороза? Каждый год одно и то же... Нет, надо что-то поменять... Полистайте материалы последнего съезда партии и вставьте что-нибудь...

По тону Людмилы Даниловны Анна Васильевна поняла, что возмущаться бесполезно. Ночь перед утренником она не спала, но рекомендации районо и указания заведующей касательно директив двадцать третьего съезда КПСС выполнила.

Можно было только гадать, где за ночь Анна Васильевна раздобыла переносной магнитофон «Весна», пятнадцать детских национальных костюмов и пять трёхколёсных велосипедов, когда в нашем детском саду, худо-бедно снабжаемом железной дорогой, до этого декабрьского дня не числилось ни одного.

Ещё только светало, а воспитанницы старших групп уже примеряли вышитые сорочки и домашние юбки, в то время как пятеро мальчишек осваивали новенькие трёхколёсные байки с соответствующим названием — «Малыш».

Задумка Анны Васильевны была простой: новогодняя сказка начиналась не с поисков Деда Мороза, привыкшего безо всякого стыда застревать с подарками в непроходимом лесу, а с торжественного объезда ёлки посланницами союзных республик. Взобравшись на задний мост трёхколёсного «Малыша» и ухватившись за плечи велосипедистов, девочкам в национальных костюмах полагалось улыбаться во весь рот, демонстрируя министерскому чиновнику благодарность за

наше счастливое детство и нерушимую дружбу народов СССР.

Блондинкам из средней группы достались прибалтийские и белорусские наряды, брюнетки-выпускницы распределили по размеру: кому — грузинское платье, кому — узбекская туника с шароварами, а кому — роскошный казахский камзол. Непонятно по каким внешним признакам был подобран сценический русский костюм мне — красный бархатный сарафан и белоснежная батистовая сорочка. После показа «Четырёх танкистов и собаки» я только и слышала в свой адрес: «О-о! Эта наша маленькая Пола Ракса... Посмотрите, как похожа!» Но польский корсет сценарием не был предусмотрен, а в русском костюме для полноты картины не хватало шёлковой ленты и стеклянных бус. — Так, Марина... Вы с Марком выезжаете самыми последними, после Белоруссии и Украины. Спина прямая, голова гордо поднятая, улыбаешься, как майская роза... Ленту вытаскиваем из украинского венка. А вот бусы сегодня дефицит... Бусы придётся снять...

Анна Васильевна подморгнула мне хитрым глазом из-под очков и сдёрнула яркие стеклянные бусы... с новогодней ёлки.

— И постарайся не вертеть шейей, а то порежешься... Бусам в обед сто лет, края у бусинок шербадые... — предупредила Анна Васильевна напоследок, аккуратно закрутив на моей шее длиннющую нитку разноцветного ёлочного мониста.

Проверяющим из республиканского министерства образования, заставившим перенервничать руководство детского сада, оказалась толстая тётка в тесном костюме джерси, с огромной бабеттой из взбитых рыжих волос. Она по-хозяйски осмотрела музыкальный зал, провела указательным пальцем по подоконнику и, недовольно покачав головой в сторону перепуганной нянечки, уселась сразу на два стульчика в центре первого ряда. Если бы вместо сказки про заблудившегося Деда Мороза мы поставили «Двенадцать месяцев», то на роль качехи трудно было бы найти более подходящую кандидатуру.

След за проверяющей зал быстро заполнился детьми и воспитателями. В дверной проём втиснулись работники кухни и дворник дядя Коля (он же незаменимый детсадовский слесарь, сантехник и истопник). По примеру заведующей все дружно захлопали, и новогодний утренник начался со стихотворного монтажа.

Ну и ёлка, просто диво,
Как нарядна, как красива!
Ветви слабо шелестят,
Бусы яркие блестят... —

едва не подпрыгивая от радости, отбарабанила свой стишок Надюша Стрельцова.

На словах «Бусы яркие блестят» Анна Васильевна в испуге глянула на ёлку, затем — на проверяющую. Та, театрально насупив брови, рассматривала потрескавшийся потолок, разрисованные карандашами стены...

— Похоже, пронесло! — выдохнула Анна Васильевна, но, как оказалось, преждевременно...

Потому что следующее стихотворение, которая сестра Нади Стрельцовой Полинка оттараторила таким громким голосом, что от перепуга в зрительном зале заплакали несколько малышей, тоже было про бусы:

«Ёлочка, ёлочка!» —
Радуетса Полечка.
Ёлочка-красавица
Поле очень нравится.
Как хорош её наряд —
Бусы и хлопущки!
Поля с ёлочкой стоят,
Словно две подружки.
Поля тоже со стола
Бусы мамыны взяла,
На себя повесила —
В нашем доме весело!

— Опять про бусы? — возмущённо прошептала Анна Васильевна. — Нет, ну это уже явный перебор... Надо заканчивать с этими стихами...

Она махнула рукой девочкам в народных костюмах, выглядывающим из дверного проёма спальни, и по этому знаку под озорную песенку Пахмутовой из фильма «Девчата» в зал по очереди покатали велосипеды. «Хорошие девчата, заветные подруги...» — запел магнитофон.

— Дорогие дети, вас приехали приветствовать представительницы всех союзных республик нашей необъятной Родины! — радостным голосом провозгласила Анна Васильевна.

Она была абсолютно уверена, что про этот костюмированный кортеж могут написать если не в центральных газетах, то в журнале «Дошкольное воспитание» — это уж точно!

— Республика с открытым сердцем — Армения! — представляла очердную посыланницу Анна Васильевна. — Хлебосольная и гостеприимная Грузия! Литва — край корабельных сосен, средневековой архитектуры и солнечного янтара! Узбекистан — республика с древней историей, щедрой природой и трудолюбивым народом!

Разодетые в костюмы детского танцевального ансамбля, воспитанницы под популярную песенку объезжали ёлку по кругу, не забывая улыбаться незваной гостье в джерси, после чего одна девчачья пятёрка уступала место на велосипедах другой.

Мы с Марком должны были завершить этот новогодний парад под пятнадцатым номером, в четком порядке следуя за представительницами Белоруссии и Украины.

— Наша рідна Україна! Чарівні Карпати, оспіваний Гоголем Дніпро... — продолжала Анна Васильевна уже охрипшим голосом. — И заключает наше новогоднее приветствие старшая сестра братских народов — Россия!

Подобрав подол сарафана, я взобралась на заднюю перекладину велосипеда и положила руки на плечи Марку. Наш экипаж медленно тронулся с места. В тот момент Марк был не просто велосипедистом, не просто рулевым. Он был моим принцем. Только вместо гарцующего белого коня он приехал за мной на трёхколёсном красном. — Ну, с ветерком! — благословила нас Анна Васильевна.

По её лицу было видно, что первая часть утренника прошла без сучка без задоринки, а до второй, с Дедом Морозом и Снегурочкой, не имеющим никакого отношения к партийным директивам, скорее всего, подобревшая инспектриса не досидит.

С места-то мы тронулись, а вот «с ветерком» как-то не получилось. Марк крутил педали в каком-то замедленном темпе, в полном противоречии с бравурностью киношной мелодии. Со стороны могло показаться, что либо велосипед поломался, либо велосипедист просто издевается над непрошеной гостьей, бесцеремонно усевшейся в центре первого ряда.

— Марк, давай жми! — шептали ему со всех сторон и воспитатели, и дети, но Марк как будто не слышал ни возмущённого шёпота Анны Васильевны, ни смеха своих одноклассников — он улыбался согласно сценарию и продолжал ехать с черепашьей скоростью.

Когда мы в конце концов, уже без музыки, объехали несчастную ёлку, проверяющая, с трудом поднявшись с низеньких детских стульчиков, поманила пальцем Марка, продолжавшего как ни в чём не бывало улыбаться. Заведующая, Людмила Даниловна, поблдневшая за последние несколько минут настолько, что могла бы без грима сыграть Снегурочку или Зимушку-зиму, подскочила к ней без приглашения.

— И как это понимать, молодой человек? Мол, мы тут сами с усами, а министерство нам не указ. Это что за демарш?

— И никакой не марш... — усмехнулся Марк, глядя безо всякого смущения в сердитые глаза непонимающей тётки. — Просто я боялся, что Марина может порезаться... Если разобьются бусы.

— Бусы? — удивилась Людмила Даниловна. — Какие бусы?

— Ёлочные... — с непосредственностью шестилетнего мальчика пояснил Марк и кивнул в мою сторону.

Как и предполагала Анна Васильевна, проверяющая не осталась на вторую часть новогоднего утренника. Прощаясь с Людмилой Даниловной

возле министерской «Волги», она вдруг неожиданно заулыбалась и так же неожиданно, почти по-родственному, обняла заведующую... Теперь она походила не на злую мачеху из старой сказки, а на благодарную бабушку, приехавшую проведать внучку или внука.

— Подумать только... Мальчишке всего шесть лет! А уже мужчина! Рыцарь... джентльмен... И никого не побоялся. А некоторые товарищи на такой поступок и в тридцать шесть, и в сорок шесть не способны. Хотя... и девчонка— не промах! Маленькая, а сколько обаяния... И не запаниковала... Даже бровью не повела! Ехала как королева. Понимала, что всё это ради неё...

— Да, это был её звёздный час!— согласилась Людмила Даниловна. Она была рада, что так всё обернулось: простое ёлочное украшение исключило политическую подоплёку, хотя за нарушение техники безопасности могли и выговор вклеить.— Интересно было бы посмотреть на этого мальчика лет через двадцать. Каким он вырастет... И будет ли он с тем же трепетом относиться к женщинам...

Мне тоже очень хотелось встретить повзрослевшего Марка. Но про такую традицию, как сбор выпускников детского сада, мне не приходилось слышать. Да и если бы кто-то из нас захотел бы заглянуть в тот самый дом на окраине Сталинки, в котором прошла часть нашего детства, то вряд ли это было бы возможно— одноэтажное здание, с печным отоплением, баней, изолятором для внезапно заболевших, давно снесли, а на месте игровых площадок и фруктового сада построили торгово-развлекательный центр.

Но всякий раз, когда мне приходится надевать бусы, накопившиеся у меня после всевозможных путешествий на целых две шкатулки,— из янтаря, яшмы, жемчуга...— я вспоминаю эту новогоднюю историю. Благодаря маленькому кавалеру по имени Марк, который, возможно, уехал на свою историческую родину, а может, до сих пор проживает в Киеве, ёлочная гирлянда со щербатыми бусинами не оцарапала мою детскую шею, но оставила очень тёплый след в моей женской памяти.

*В рассказе использованы стихотворения
Елены Благиной и Зинаиды Александровой*